

Максим Осипов

Рыба холодных морей

опыт использования комбинированной векторной вакцины
Гам-КОВИД-Вак в ГБУЗ ГП № 1234 ДЗМ

Дело было в понедельник в первых числах октября. Вакцина тогда еще не получила сегодняшнего названия «Спутник», говорили просто — «гамалеевская». Как и откуда попала она в эту московскую поликлинику, а главное, как туда попал я, — тайна, не только моя, да и мне самому она открыта не до конца.

Болезнь вроде бы и не самая смертельная (кто говорит — процент, кто — два), а считаешь некрологи — и может стать грустно, как сказал один маленький мальчик, глядя на вереницу похоронных автобусов. Грустно? Не то слово — жутко. Как в кино, когда тревожная музыка: что-то случится, вот-вот. Один беспокоится за престарелую мать, другой боится заразить беременную жену, и каждый, сколько б ни хорохорился, опасается за себя. «Закрой форточку, дует, — попросил меня как-то веселый старик, друг родителей. — Это вам, молодым, умирать легко, а я — жить привык».

Душа боится смерти (Тертуллиан), и на нее действуют художественные подробности: умерших от инфекции (признанной по неясным причинам особо опасной) отпевают в закрытом гробу, и не в храме, а возле него, в любой холод, на улице. Почему? — А вот так. За некрещеных записочек не подавать, в храм женщинам в брюках и без платка — ни-ни. Про отпевание на улице не церковь придумала, но приняла. Болезнь не такая позорная, как сифилис с гонореей, но стыдноватая — вроде чесотки. Много мыслей приходит в голову, пока из Тарусы доедешь до центра Москвы.

По Симферопольскому шоссе езда быстрая, и мысли быстрые. Даже собравшись в дорогу, я еще до конца не решил, стану ли прививаться — вакцина недопроверена. На ходу рождаются метафоры: хочется пить, на столе — стакан с жидкостью. Это что — вода? Если в ресторане, то, наверное, да. А в гараже? С большой вероятностью ядовитая гадость. Налили же несколько лет назад в ампулы из-под безвредного (впрочем, и бесполезного) милдроната (мельдония) — допинга, на котором попались наши спортсмены, — листенон, яд наркотобие кураре, его дают во время наркоза для расслабления мышц. Несколько человек тогда умерли, множество — пострадали. Есть, между прочим, лихие ребята-врачи, которые листенонем лечат алкоголизм. Человек прекращает ды-

Об авторе | Максим Осипов — врач-кардиолог, постоянный автор «Знамени» с 2008 года — живет и работает в Тарусе. Самое полное собрание его повестей, рассказов и очерков «Люксембург и другие русские истории» выпущено издательством Corpus в 2020 году в виде аудиокниги (читает автор) и электронной книги. Сочинения Осипова переведены на двадцать языков. Последняя публикация в «Знамени»: «Письма счастья 2020» (№ 6, 2020). Сайт автора: maxim-osipov.ru.

шать, на него, не спеша, надевают маску, дышат мешком, говорят: будешь пить, будет вот так. И работает — верят, не пьют.

Прошлые вакцинации тоже полно историями про веру. Помню со школьных времен (Поль де Крюи, «Охотники за микробами»): мой тезка, президент Баварской академии наук Макс фон Петтенкофер, уверенный в том, что холеру вызывают не микробы, а некие таинственные миазмы, выпил полбанки холерных вибрионов и остался здоров. Велика сила веры, точнее — неверия.

Но ведь есть и предел неверию, недоверию, покупаем же мы молоко и все остальное и пьем. Да и жидкость в стакане — только метафора, какой в метафоре толк, и куда она при неосторожном использовании заведет? Слышал из телевизора: «Земля наша мать, а мать продавать нельзя», — сказал депутат. Нет, надо бы как-то понять, хороша ли вакцина, не прибегая к метафорам.

Говорят: гамалеевская вакцина сделана людьми серьезными, настоящими специалистами, да только, беда, проверена не до конца. Оно и понятно: когда в деле заинтересовано государство, жди безобразий. Бегаёт человек на лыжах, быстро, стреляет метко — может, не лучше всех, а может, и лучше, и тут за него принимается государство — он непременно должен выиграть для страны золото чемпионатов и Олимпийских игр, — ради такого не грех и банки с мочой подменить. Поди теперь разбери, хороший ли он спортсмен. Так и с вакциной — об осложнениях нам не расскажут, наврут, под ковер заметут. А какой бедой стало для многих художников внимание, оказанное им начальством, — достаточно вспомнить Горького, да и посмертной славе зеркала русской революции оно не особенно помогло. Что с нами будет, если начальство станет нас слушать, смотреть, читать, цитировать, чего доброго? К нашему счастью, ему больше нравится биатлон.

В московской пробке мысли замедляются, накапливается усталость и от езды, и от всех этих «с одной, с другой стороны». Не принимай себя слишком всерьез — вот хороший ответ на твои вопросы. Речь ведь идет о не очень больших вероятностях: чтоб спасти одну жизнь, надо привить около двухсот человек. Так что скорее это маленький вклад в дело борьбы с эпидемией. И с каких это пор стали мы разбираться в третьих фазах, возомнили себя частью западной цивилизации? Пфайзер, Модерна, деньги налогоплательщиков, клеточный иммунитет... «Не выпендривайтесь, Марьяванна, и слушайте полонез Огинского».

— Бахилы надеваем? — Это не вопрос, а приказ, отданный гардеробщицей.

«Человек начинается с ботинок», — единственная фраза маршала Жукова, которую внук его слышал от бабушки и запомнил, рассказал мне.

Не знаю, как вы, а я в госучреждениях — собессах, Сбербанке, ГИБДД, МФЦ, судах, поликлиниках — сразу впадаю в состояние полусна, чтоб защититься от ожидаемых унижений, оттого и веду себя глуповато.

Регистратура:

— Мужчина, что у вас? Вакцина закончилась. — Высокая девушка, миловидная, насколько маска позволяет ее рассмотреть. В пятницу привили восемьдесят человек. Ей жаль, что так вышло, но ее ожидает следующий.

Понимаю: вас много, а я одна, вы сами себя задерживаете. Нажмите на кнопку, чтоб оценить качество оказанной вам услуги. Вот и решился вопрос — прививаться ли. Спрошу все-таки: отчего никто не предупредил меня? Ведь я потерял полдня.

— Мы вам звонили. Мы всех обзваниваем. — И, набрав мою фамилию на компьютере, девушка звонким голосом продиктовала номер: — Плюс один, двести тридцать четыре, пятьдесят шесть, семьдесят восемь, девяносто.

Я как-то даже проснулся.

— Во-первых, плюс один — это американский номер. Во-вторых, цифр должно быть одиннадцать, одной не хватает. А в-третьих, и это главное, где вы видели, чтоб у живых людей был телефон 1234567890?

Очередь рассмеялась. Довольный произведенным впечатлением (шутка ли — распознать на слух!), я приободрился. Девушка смутилась:

— Идите к заведующей. — И вдогонку: — Только вакцины все равно нет.

Женское царство — тут работают одни женщины, на пути к заведующей я знакомлюсь с несколькими из них. Василиса Наумовна, Генриетта Ивановна — имена их плохо соответствуют отчествам. Но зачем это все? Не собираюсь ведь я в самом деле писать на них клевету. Не в моих это правилах, да и бессмысленно. «Жалуйтесь, мы ответим на жалобу». Так, хлопнуть дверью погромче, наговорить злых слов, чтоб назад ехалось веселей — и долгой, и домой. Все-таки я оказываюсь у кабинета заведующей. Она что-то пишет, но жестом приглашает войти.

Осматриваюсь. Казенная мебель, иконки — теперь почти обязательный атрибут, но в шкафу за стеклом — несколько книг со знакомыми корешками: издательство «Практика», в позапрошлой жизни я основал его и много лет был директором, галстук носил, редактировал часть этих книг. Издательства нет, а книги остались. Кто читает сейчас бумажные медицинские книги? — она и читает. Кого-то заведующая напоминает мне, и я знаю кого.

В любом отделении, лаборатории, на любой кафедре есть женщина малоприметной наружности — днями напролет она сидит, склонившись над грудой неинтересных бумаг, или передвигается по коридору с кипой историй болезни. На лице ее написана забота, даже обида: кто-то ведь должен отчеты сдавать, составлять расписание дежурств, заполнять журналы учета того и сего. Женщина эта не выносит курения, мата, громкого смеха, споров, игры, не говорит о политике. Во времена моей молодости (ординатура, аспирантура) и у нас такая была. Звали ее (разумеется, за глаза) рыбой холодных морей — из-за одной особенности: занимаясь липидами (бывает ли тема скучней?), она эту самую рыбу неизменно указывала в рекомендациях по диете. Coldwater fish, из западного журнала, в рыбе холодных морей много правильных жирных кислот, они защищают сосуды, препятствуют образованию бляшек. Рекомендация хоть куда, но на прилавках морепродукты были в ту пору представлены почти исключительно водорослями — морской капустой, в консервах, — мы наелись их на несколько поколений вперед. В остальном — ничего необычного: бесцветное лицо, полусогнутая фигура, негромкая речь. Кто-то ведь должен... Соня Ростова, сестры-княжны при старом Безухове, безблагодатное существование — с подобными старыми девушками Лев Толстой справлялся решительным образом.

— Мы в пятницу привили восемьдесят человек, и вакцина закончилась.

Голос тот же. Рыба холодных морей несколько не изменилась за тридцать лет. Нет, быть такого не может, та — давно уж на пенсии, если жива. А с этой мы, вероятно, ровесники. Не хочется ссориться с ней, обижать. От усталости ли, от воспоминаний ли молодости, мной овладевает неожиданное вдохновение.

— Вы доктор, — говорю я ей. — И я доктор. И мы с вами в России живем. И знаем поэтому, что... что если что-то заканчивается, то оно, конечно, заканчивается... но все же не до конца.

Наступает пауза. Она смотрит на меня долгим взглядом. Никакие просьбы или угрозы не действуют так, как знание внутренней кухни.

— Осталось три дозы, — произносит она. — Пройдите в прививочный кабинет.

«Посмотришь на русского человека острым глазком... Посмотрит он на тебя острым глазком... И все понятно. И не надо никаких слов. Вот чего нельзя с иностранцем» — В. В. Розанов. Когда-то мне это нравилось, потом стало казаться грязеньким, как многое у него. Хотя наблюдение верное. Мы как раз рассуждали недавно с моим добрым товарищем, отчего русские за границей избегают случайных встреч с соотечественниками. Речь о тех, кто успел еще побывать

пионерами. Например, в ресторане: заказал на хорошем французском парфе, как вдруг — внимательный взгляд: а не ты ли, приятель, в таком-то году выступил с предложением присвоить дружине твоей имя Павлика Морозова? Не на тебя ли на овощебазе матом орала пьяная баба в синем халате? Густава Гусака ездил встречать? И еще: у тебя тоже на справке о смерти отца стоит штамп «20 бут.» и по «10 бут.» на девятый день и на сороковой? Никакое парфе или, не знаю, гуакамоле в горло не лезет после подобного взгляда «острым глазком».

Вернемся, однако, в прививочный. Тут работают две медсестры — серьезная и смешливая. Одна странность: здесь же берут мазки из носоглотки, тест на КОВИД, очередь общая. «Согласна, недоработка», — сказала серьезная медсестра. Пока размораживается вакцина, мы занимаемся заполнением бумаг — профессия, место работы.

Однажды мы с Митей, зятем моим, ненадолго приехавшим из Германии, ходили в травмпункт — прививаться, его покусала собака. Вопросы задавал врач, ответы записывала медсестра. Митя сказал, что он музыкант, играет в струнном квартете. «Пиши: не работает», — велел врач.

Смешливая медсестра уколола меня в плечо.

— Три дня не мочить.

— А то — что? Смоется?

Она засмеялась.

— И алкоголя не пить.

— Даже вина?

— Ну стаканчик-то можно, — сказала серьезная.

Сам противник лишних ограничений, «бремен неудобноносимых» (Мф 23:4), я благодарно кивнул.

Вторая вакцинация, как положено — через три недели, прошла бессобытийно, новыми впечатлениями разжиться не удалось. Зато в организме выработались антитела, и жить стало не то чтоб совсем хорошо, но значительно лучше. Кстати, не исключаю, что телефон эйн-цвей-дрей и так далее дал Госуслугам я сам, не при полном блеске сознания, чтобы не поздравляли с праздником 23 февраля.

Автор несколько раз пересказывал эту историю разным людям и теперь, пока она не обросла свежесвыдуманными подробностями, торопится ее записать. Сам он, честно сказать, не видит большого греха в спрямлении углов, объединении нескольких персонажей в один или помещении в рассказ реплик, которые пришли ему в голову позже, по дороге домой (энциклопедист Дидро называл это «остроумием на лестнице»). Однако многие женщины и особенно дети категорически возражают против подобного отношения к фактам. Только начнешь — «Дело было в понедельник...», а они кричат: «Нет, во вторник! Опять обманываешь!» — Хорошо, дети. Пусть будет вторник.